

Слабый голубоватый свет заливал комнату, навевая ощущение унылого холода. Если бы не пристальный, немигающий взгляд незнакомца, Шлиффен мог бы принять его за бледную фарфоровую куклу.

Черты лица «куклы» были мягкими; очертания носа и разреза глаз выдавали типичного представителя азиатско-американской расы. В воздухе не пахло феромонами, однако хрупкое телосложение незнакомца почти в точности соответствовало описанию Омеги из учебников. Шлиффен гадал, почему тот прикован к автоматическому креслу. Виной тому болезнь? На нем была свободная больничная пижама такого же блекло-синего цвета. Скользя взглядом по ткани, Шлиффен заметил приколотую к груди именную бирку.

На ней значилось: *Эрвин Герман*.

— Ни с места! — Шлиффен мгновенно вскинул оружие, беря его на мушку.

Мужчина даже не шелохнулся — лишь молча наблюдал за тем, как лейтенант приближается, держа его под прицелом. Внешне Шлиффен оставался предельно собран и хладнокровен, но внутри у него все звенело от бешеного напряжения. Ему доводилось брать и убийц, и насильников, но все они были лишь шестерками, преступниками шестой категории. Он и подумать не мог, что когда-нибудь столкнется лицом к лицу с особо опасным государственным преступником первой категории.

Подойдя вплотную, Шлиффен еще раз впился взглядом в бирку на груди незнакомца. Ошибки быть не могло.

— Эрвин Герман, вы арестованы! — Шлиффен стремительным движением выхватил наручники и намертво пристегнул запястье мужчины к металлическому подлокотнику автоматического кресла.

— Арестован? — бесстрастно, словно эхо, повторил тот.

— Именно. Вы под арестом согласно законам Федерального Правительства. Любая попытка сопротивления — и я имею право открыть огонь на поражение!

В ответ на угрозу Герман лишь презрительно усмехнулся:

— Не ожидал, что сюда кто-то ворвется... И все же мне любопытно, как именно вы собираетесь меня конвоировать? Полагаю, вы уже успели заметить, что связь с внешним миром здесь заблокирована. И чтобы окончательно избавить вас от иллюзий, добавлю, — в тихом, ровном голосе преступника скользнуло нечто, заставившее Шлиффена напрячься, — это не временный сбой. Пока вы остаетесь на этой планете, вы не сможете отправить ни единого сигнала. Никогда.

— Хотите сказать, это я попался к вам в ловушку? — Шлиффен опустил оружие и незаметно перевел дух. — Не советую дергаться. Попытайтесь освободиться — эти «браслеты» выдадут такой разряд, что мало не покажется.

Герман брезгливо покосился на сковавшую его сталь.

— Взгляните на меня.

Повинуясь безотчетному импульсу, Шлиффен поднял голову.

И тут же вскрикнул от неожиданности:

— Черт!..

Из скрытого патрубка в кресле Германа прямо ему в лицо ударила струя мелкодисперсной жидкости.

— Что это за дрянь?! — Шлиффен отшатнулся, лихорадочно вытирая лицо рукавом и одновременно пытаясь нащупать кобуру.

— Успокоительное для Альф, — сухо отозвался Эрвин. Тем временем из другого форсуночного отверстия на подлокотнике брызнул раствор, быстро нейтрализуя замок наручников. — Пятьдесят лет прошло, а вонь, которую источают Альфы, все так же невыносима.

Эта холодная, хрестоматийная брезгливость больно ударила по уязвленному самолюбию Шлиффена.

— Когда придет время, я тебя отпущу, — добавил Герман. — Убивать тебя у меня нет ни малейшего желания.

Шлиффен промолчал, тяжело дыша.

— И советую спрятать твой дурацкий пистолет. Убьешь меня — и останешься здесь гнить вместе с моим трупом. Навечно.

Лейтенант снова не нашел что ответить.

— Доброй ночи, — подвел черту Эрвин Герман и просто закрыл глаза.

Он действительно уснул — мгновенно и безмятежно. Шлиффен постоял над ним, хмуро размышляя, затем медленно убрал оружие в кобуру и быстрым шагом вышел наружу.

Снаружи бушевал ледяной ветер. Температура стремительно падала, но суровые условия все еще оставались в пределах выносливости закаленного организма Альфы. Шлиффен хорошо помнил дорогу, по которой пришел: его поврежденная машина лежала меньше чем в километре отсюда. Связь не работала, и рассчитывать на чудо не приходилось — глушилка работала на совесть. Но если удастся починить мех, появится шанс выбраться. На его E25 была установлена спасательная капсула с тормозными маневровыми двигателями. Если запустить генератор самого меха, запасов горючего в капсуле как раз хватит на то, чтобы преодолеть притяжение этой проклятой планеты.

К счастью, гравитация здесь была слабой, что повышало шансы на успех до солидных 60%.

Биочип «Оуэн» потреблял минимум ресурсов. В тактическом рюкзаке лежал трехдневный аварийный рацион — Шлиффену достаточно было плотно поесть после взлета, чтобы истощенная система Оуэна снова заработала в штатном режиме. Главное — вырваться за пределы атмосферы, там он сможет отправить сигнал бедствия. Но даже если передатчик откажет, встроенный в биочип уникальный идентификатор автоматически засекут правительственные спутники при плановом сканировании сектора.

Порывы ледяного ветра нещадно хлестали по лицу. Шлиффен четко представлял свой план, но глубоко внутри его не покидало смутное, тревожное чувство.

Инструкция Федерального Правительства требовала немедленно ликвидировать преступника первой категории. И неважно, грозит ли исполнителю смертельная ловушка. Шлиффен не понимал, почему колеблется. Ведь в той комнате даже близко не пахло дурманящими феромонами Омеги, которые могли бы затуманить разум Альфы.

Тяжело вздохнув, Шлиффен запрокинул голову. Сейчас планета находилась в тени SWEEPS-98167 — исполинский силуэт газового гиганта целиком закрывал небосвод, маскируя далекие звезды. Вокруг стояла крошечная тьма, хоть глаз выколи. Лишь под ногами, там, где выхваченная лучом мощного фонаря земля оживала, лепестки язычковой травы испускали едва заметное, призрачно-голубое свечение.

Бежать против шквального ветра было невероятно трудно, но он упрямо двигался вперед. Судя по навигационной проекции сетчатки, до цели оставалось совсем немного — отметка меха мерцала где-то в сотне метров. Шлиффен выкрутил мощность тактического фонаря на максимум, но, как ни вглядывался в темноту, так и не обнаружил тяжелого силуэта E25. Он еще раз перепроверил координаты — ошибки быть не могло. Но куда, черт возьми, мог деться восьмиметровый стальной колосс?

Вокруг не было ничего, кроме завывания бури. Язычковая трава, спасаясь от яростных порывов, прижалась плотным ковром к самой земле. Ровная, каменистая поверхность не сохранила ни единого следа. Глядя на эту зловещую пустоту, Шлиффен почувствовал, как по спине пробежала ледяная дрожь.

Чужая планета, непроглядный мрак, пронизывающий до костей ледяной ураган — и полное

отсутствие выбора.

В такие моменты, изнемогая от усталости, Эрвин Герман искренне ненавидел свою природу Омеги. Жестокая тряска при посадке и постоянное нервное напряжение выжали его без остатка. Единственное, чего ему сейчас хотелось — забыться глубоким, спокойным сном в этой глуши. Вторжение чужака застало его врасплох, но когда выяснилось, что незваный гость — Альфа, досадная помеха превратилась в истинное бедствие.

Эрвин мог закрыть глаза на скверный нрав Альф, их громогласность, вечное стремление доказывать свое превосходство, импульсивность и грубость. Но он физически не выносил их запах. Стоило этим сложным эфирам, пропитанным феромонами доминирования и подсознательной угрозы, коснуться его рецепторов, как к горлу подступала удушливая тошнота.

Вероятно, виной всему был слишком долгий анабиоз: разум с трудом привыкал к яви. Пятьдесят лет. Полвека забвения. И первый живой человек, которого он увидел, очнувшись, совершенно не укладывался в рамки его воспоминаний. На незнакомце была чужая форма, в руках он сжимал оружие неизвестного типа, и даже его произношение разительно отличалось от языка, на котором говорили полвека назад.

Эрвин не жаждал чужой крови — было лишь странное, щемящее чувство пустоты. В мыслях то и дело всплывали имена из прошлого: Планк, Йоханнес... Все эти пятьдесят лет его сон не был абсолютно глухим. Лишенный тактильных ощущений разум дремал, но отчетливо осознавал реальность. Эрвин знал, что его тело законсервировано в стерильной капсуле Института, где воздух пропитан приторной смесью блокаторов и транквилизаторов. Он чувствовал, как бывшие коллеги молча стоят у прозрачного бронестекла, вглядываясь в его лицо. На их лицах застыла гримаса паники: они панически боялись его смерти, но еще сильнее страшились его пробуждения.

И все же Эрвин любил Институт. Там действовали строгие правила приличия: и Альфы, и Омеги неукоснительно глушили собственный гормональный фон химикатами. Сдерживание инстинктов считалось признаком высокой культуры, и это общество цивилизованных кастратов дарило ему долгожданный покой.

Из ностальгических размышлений Эрвина вырвало возвращение незваного гостя — того самого господина Альфы, мнившего себя грозой преступности. Тот буквально влетел в комнату, шумно распахнув дверь ногой. Он тяжело дышал, с его висков катился пот, а на лице читалось дикое, яростное бессилие.

— Твоих рук дело?! Куда ты девал моего меха?! — с порога рявкнул Шлиффен.

Эрвин проигнорировал выпад. На панели его кресла тихо мигнул диод, и из темного угла послушно выкатился неуклюжий металлический силуэт.

— Господин Герс Шлиффен, — скрипуче произнес антикварный робот, протягивая

манипулятор, — примите питательную смесь для восстановления сил. Благодарю за внимание.

Модель дроида была настолько древней, что лейтенант даже в исторических хрониках такой не встречал. Окончательно убедившись, что его не собираются травить или резать во сне, Шлиффен бесцеремонно взял с подноса фольгированный пакет с питательным гелем. Сорвав зубами клапан, он жадно сделал несколько больших глотков. Приятная прохлада скользнула внутрь, и легкое головокружение отступило — патрульный не ел и не пил уже почти сутки.

— В глубине есть свободный отсек, — не поворачивая головы, бросил Эрвин. Он уже вернулся к консоли управления и теперь полностью погрузился в анализ бегущих по экрану данных. — Как закончишь с едой, проваливай туда.

Шлиффен не стал допытываться, откуда хозяин убежища знает его имя — сегодня лимит его изумления был исчерпан. Раз уж особо опасный беглец не выказывал кровожадных намерений, глупо было и дальше размахивать табельным оружием, выставляя себя зеленым новобранцем. Лейтенант прихватил у робота еще одну порцию смеси и зашагал в указанном направлении. «Комната» оказалась крошечной, душной каморкой, где едва помещалась узкая армейская койка. Присев на край матраса, Шлиффен с унылой иронией подумал, что чертовски похож на заключенного, который послушно поглощает баланду, милостиво пожалованную ему преступником первой категории.

Единственным плюсом конуры был широкий обзор: отсюда отлично просматривался главный терминал. Впрочем, выводимая на экран информация ни о чем не говорила — бесконечные каскады зашифрованных логов и системных кодов сменяли друг друга с бешеной скоростью, без единого графического интерфейса. Но Шлиффен не отводил глаз. Медленно потягивая питательный гель, он пытался ухватиться хоть за какую-то зацепку. В конце концов, он оставался офицером полиции. Ему жизненно необходимо было разгадать, кем на самом деле является этот загадочный Эрвин Герман и какое преступление он совершил.

Спустя пару минут на кресле Германа вновь предупреждающе мигнула панель. Древний робот, натужно скрипя несмазанными шарнирами, подкатился к проему и с глухим стуком захлопнул тяжелую дверь перед самым носом лейтенанта.

— Мой создатель находит ваш взгляд излишне навязчивым, — вежливо донеслось из-за переборки электронное дребезжание.

<http://bllate.org/book/18311/1756263>